"Вернись, грязный кусок дерьма!" Рассерженный крик раздался у меня за спиной. Он был близко. Слишком близко.

Я внутренне выругался. Обычно они не были такими настойчивыми; просто мне повезло, что я оказался украденным у парня, который не сдавался даже после десяти минут погони за мной. Сжимая в руках свой драгоценный груз, я пробирался по улицам, уворачиваясь от людей и ларьков. Оставалось надеяться, что скоро я потеряю его в толпе. По крайней мере, мне не нужно было беспокоиться о том, что кто-то поможет ему поймать меня. Альтруистические акты доброты здесь не существовали.

Первое правило Руконгая: Никто не собирался помогать тебе. Здесь каждый был сам за себя.

Рука грубо схватила меня за локоть и сильно встряхнула. Я вздрогнул: синяк останется. Продавец, у которого я украл буханку хлеба, развернул меня лицом к себе.

"Проклятый гаки, - шипел он, лицо его было багровым от злости и напряжения, - разве ты не знаешь, что бывает с такими грязными воришками, как ты? Я должен перерезать тебе глотку. Лучше бы такие шлюхи, как ты, умерли, чем захламляли улицы, как ты". Он не успел договорить, как я плюнул ему в глаз. Его хватка ослабла, когда он прервал ругательства, и, воспользовавшись случаем, я изо всех сил ударил его коленом в живот. Не дожидаясь, пока он придет в себя, я вырвался и побежал в противоположном направлении.

Второе правило Руконгая: если хочешь выжить, нужно научиться защищаться чертовски быстро.

Я бродил кругами минут десять, чтобы убедиться, что ему не удалось меня преследовать, а затем направился домой. Домом оказалась небольшая ветхая хижина, расположенная недалеко от окраины города. Это была не более чем лачуга, едва ли пригодная для жизни, но она защищала от дождя и была относительно уединенной. Все, о чем я мог просить, учитывая ситуацию, в которой мы оказались.

Мы с Рукией были мертвы уже две недели (и разве это не странная мысль?). После цунами я успел только очнуться и осознать, что мы с Рукией мертвы, прежде чем шинигами совершил над нами консо. Я растворился в воздухе и оказался на окраине Инузури, 78-го района Южного Руконгая, с Рукией в двух шагах от меня. Я не сразу сообразил, что мы оказались на волосок от гибели, когда речь зашла о новом жилье. Инудзури на семьдесят процентов состоял из трущоб, на десять процентов - из полублагополучных торговцев и лавочников и на двадцать процентов - из якудза и банд. И несмотря на то, что бедняки превосходили их по численности, якудза и торговцы обладали стопроцентной властью.

Третье правило Руконгая: Не попадайтесь на глаза тому, у кого под контролем несколько наемных головорезов, если не хотите однажды ночью проснуться с перерезанным горлом. Не высовывайтесь, не поднимайте шума, и, возможно, вам удастся выжить.

Рукия не спала, когда я вернулся. Она жалобно заскулила, увидев меня, и ее лицо скривилось.

В моей голове начали срабатывать предупреждающие знаки. Я считал, что мне повезло, что Рукия не была одним из тех суетливых младенцев, которые плачут без остановки, но она и в самом деле плакала. К счастью, обычно она довольно быстро успокаивалась. Подойдя к ней, я взял ее на руки и начал успокаивать. "Эй, не плачь. Да, мне жаль, что мне снова пришлось уйти, но я же не могу взять тебя с собой, когда иду за покупками, правда?" Осторожно я достала дикую морковь, которую мне удалось найти вчера. Взяв одну, я откусил от нее огромный кусок, тщательно прожевал и с гримасой выплюнул обратно. Я заметила, что большинство людей здесь не так уж и голодны. Конечно, люди по-прежнему продавали еду, а некоторые и ели, но в этом не было особой нужды. Это меня чертовски смущало, поскольку я, черт возьми, все еще был голоден. Не так часто, как раньше - мне нужно было есть только раз в два дня, Рукии - раз в три-пять дней, - но есть все равно было нужно.

Взяв разжеванную морковную мякоть, я намазал немного на палец и протянул его вверх. "Эй, малышка, время обеда. Да, я знаю, что это выглядит неаппетитно, но мертва ты или нет, тебе все равно нужны питательные вещества. И пока я о тебе забочусь, ты будешь их получать". Кормить ребенка, используя только немытые пальцы, противоречило моему медицинскому образованию (потому что фу), но столовое серебро и санитария не были роскошью, которую я могла себе позволить. Оставалось только надеяться, что, когда бактерии умрут, они попадут в другую загробную жизнь или что-то в этом роде.

Я вздохнула, откусывая хлеб, который так любезно "пожертвовал" господин Душефас, и вздрогнула от легкого ветерка, пронесшегося по комнате. Я заметил, что дни становятся короче, а по ночам стало гораздо прохладнее. Я сосредоточился на Рукии, которая счастливо журчала, посасывая мой палец, и старался не думать о том, как мне пережить зиму.

"Послушайте, я не прошу многого. Просто поесть и переночевать! Я готова выполнять любую работу, которую вы мне поручите, и я умею готовить и убирать. Только, пожалуйста, впустите меня и мою сестру!" умоляла я. Женщина за дверью усмехнулась. "И вы рискуете остаться со всеми деньгами? Я знаю, что вы за тип. Мусор, все вы. Если вам действительно нужно место для ночлега, я уверена, что вы сможете найти чью-нибудь кровать, чтобы провести ночь". С этими словами она захлопнула дверь у меня перед носом.

"Да? Ну и пошла ты!" крикнул я в закрытую дверь. Рукия задрожала, прижавшись к моей груди, и я горько улыбнулся ей. "Похоже, попытка номер двадцать три тоже провалилась, да?" Я снова начал идти по улице. На улице было достаточно холодно, чтобы большинство людей сидело дома, а мои руки онемели уже несколько часов назад.

"По крайней мере, это не так плохо, как зимы в Коннектикуте", - сказал я Рукии. "Ты никогда не видела, но японские зимы не идут ни в какое сравнение с зимами на северо-востоке Америки. В это время года ты практически погребен под четырехфутовым слоем снега. А здесь? Это ничто". Я остановился на мгновение, чтобы перевести дух, так как мое зрение на мгновение затуманилось. Перед глазами заплясали черные пятна. "Конечно, тогда у меня был дом, отопление и семья, к которой можно было вернуться".

"Давай сделаем перерыв, а потом я вернусь к поискам дома, хорошо?" Я свернул в пустой переулок, надеясь, что там можно укрыться от ветра, и медленно присел у стены.

Пережить зиму будет практически невозможно. Я и раньше знал об этом, каким-то задним умом догадывался, что мой нынешний дом с отсутствующей дверью и тонкими стенами не сможет обеспечить достаточного укрытия в холодное время года. Только когда дни стали короче, а температура упала настолько, что я не мог оставить Рукию, не опасаясь, что она замерзнет насмерть, я начал понимать, насколько это будет трудно. У меня оставалась лишь горстка рё; их хватило бы на неделю. Глядя на умиротворенное лицо Рукии, я не мог не задаться вопросом, так ли чувствовала себя Хисана. Чувствовала ли она ту же безнадежность перед лицом таких непреодолимых трудностей? Тщетность попыток вырастить ребенка без еды, без денег, без работы и без достойного жилья? Мне всегда казалось, что Хисана в оригинале была слабой; конечно, должен был быть лучший способ, чем просто бросить сестру и надеяться на лучшее? Но теперь я уже не был так уверен.

http://tl.rulate.ru/book/103014/3574261